

6. Концепция нового учебника украинской истории. Лекция Н. Яковенко прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.УА» // Полит.Ру. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/03/18/uchebniki/>.
7. Політика історичної пам'яті в Україні: консолідуєчий та дезінтегруєчий потенціал // Політичні проблеми сучасної України: аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – К., 2012. – С. 125 – 250.
8. Копитько, О. Декоммунизация и отсутствие мозгов: зачем парламент запретил все советские награды? // Музейний простір, 9 квітня 2015. – Режим доступу: <http://www.prostir.museum.ua/post/34818>; Кулик В. Закон о запрете тоталитарных символов будет отменен в Европейском суде по правам человека // Хвиля, 10.04.2015. – Режим доступу: <http://hvylya.net/analytics/politics>; Чабарай Г. Заборона комуністичної пропаганди: від наступу на свободу слова до надії на швидке «одужання» // Тиждень, 2015. – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/News/134016>.

УДК 94(476)

А. Ю. Опарин

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СОГЛАСИЕ

Проблема сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны с каждым годом оказывается всё более и более актуальной. Это связано, прежде всего, с тем, что всё дальше оказывается во времени от нас этот трагический период белорусской истории. Нам в наследство от СССР достались мемориалы и пантеоны, которые, по логике, должны были навсегда увековечить военные события и главных героев этой войны. Но достаточным ли будет это для того, чтобы эти события и их действующие лица сохранялись в нашей исторической памяти?

Вот что, например, по этому поводу недавно написал белорусский историк А. Браточкин: «от памяти почти ничего не осталось... по крайней мере, теперь нужно намного больше усилий, чтобы помнить, потому что не только идеологические структуры советской памяти о войне обвалились, но сама война перестала

быть значимым событием для смысловых рамок сегодняшней истории». Но в чём причина такого неожиданного «рассеяния» памяти? И что подверглось «рассеянию»?

Что было до того наполнением коллективной памяти о Великой Отечественной войне? Факты, концепты, интерпретации? Ведь мало возвести монумент или пантеон, нужно ещё их погрузить в особый исторический контекст со специфической «оптикой», позволяющей выделять те или иные события в противовес другим так, чтобы в массовом сознании не возникало разночтений. Иными словами, построить своеобразный «миф», позволяющий преподнести исторический «факт» даже вне логики его появления и формирования. Будучи погружёнными в «миф», факты воспринимаются непосредственно и не требуют доказательств.

Мифом в данном случае мы станем называть всё то, что сохраняет для нас, объясняет и упорядочивает прошлое, но, при этом, отличается принципиальной неполнотой и не является научным знанием, не выходя за пределы знания вероятностного. Мы имеем дело, разумеется, с коллективным мифом, носителем которого выступает, собственно, коллективная память; не историей как списком исторических фактов и дат, а непосредственным восприятием её, в которой важную роль играет ретроактивность.

В своё время М. Хальбвакс ввёл термин «коллективной (социальной) памяти», не сводимой к сумме индивидуальных воспоминаний, но вырастающей из них и над ними. По Хальбваксу, в воспоминании мы размещаем или локализуем образы прошлого, которые сами по себе всегда фрагментарны и условны, не обладают целостным или связным значением, пока мы не проецируем их в конкретные обстоятельства. Эти обстоятельства даются нам вместе с мнемоническими (памятными) местами. Поэтому воспоминание можно назвать процессом воображаемой реконструкции, в рамках которого мы интегрируем специфические образы, созданные в настоящем, в особый контекст, отождествляемый с прошлым. «Воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, – писал Хальбвакс, – полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину» [1, с. 17]. Накопленные так образы не являются вызванными из реального прошлого, а только репрезентируют его. В этом смысле они выражают собой наше

сегодняшнее представление о том, каким могло быть прошлое [2, с. 199 – 200].

При этом постепенно индивидуальные воспоминания включаются в социальную память, т.е. находят своё место в структурах коллективного воображаемого. Происходит и обратный процесс – индивидуальная память обогащается образами, пришедшими из общего мнемонического континуума. Однако и на индивидуальном, но и на социальном уровне происходит «истирание» воспоминаний; в последнем случае коллективная память искажает прошлое так, что с течением времени некоторые личности и события остаются в наших воспоминаниях, в традиции, а остальные забываются. Сохраняются только узловые точки, между которыми образуются смысловые лакуны, требующие заполнения. Это и формирует миф, являющийся настоящим содержанием коллективной памяти.

Но уничтожение мифа опустошает память. Помнить становится нечего. Собственно, именно с этим, как представляется, можно связать эрозию памяти о Великой Отечественной войне в наши дни – с крахом последнего «большого» коллективного мифа – «советского мифа» о войне, поставленного под сомнения не столько ввиду своей «мифологичности», сколько ввиду того, что он уже не отвечал интересам правящих элит, захвативших власть в постсоветских странах.

Но нас не должен пугать термин «миф». В том плане, что история всегда распадается на две свои смысловые составляющие. Есть история как объективный процесс, а есть его отражение, с одной стороны, в социальной памяти в мифологизированной форме – как мы уже разобрались, – и, с другой, в историографии, связанной с описанием и упорядочиванием исторических «фактов». Соответствующая аргументация «за» или «против» этих «фактов» носит вероятностный характер: «историк знает, что приводимые им доказательства не абсолютны, а скорее вероятны» [3, с. 32], причём эта вероятность связана и со случайным характером событий, и со случайным характером самих получаемых исторических данных. В этом контексте, мы можем лишь предполагать, что нечто произошло именно так, как говорит историк – с той или иной степенью вероятности.

Столь пространное рассуждение о природе исторического исследования представляется необходимым для того, чтобы прийти

к одному простому выводу, что история – это одна из очень специфических сфер познавательной активности индивида, ориентированных на поиск «фактов», которые не могут быть «положительно» измерены и подтверждены эмпирически. «Принятость» одних фактов в противоположность другим – это вопрос аргументации и корреляции с распространёнными концепциями, а несоответствия фактов «истине». Столь любимая многими «историческая правда» – это оксюморон, потому что естественно возникает вопрос, что считать правдой – признание экспертным сообществом? Соответствие принятому видению прошлого?

Разумеется, целью деятельности историка является не производство мифа, а поиск исторической истины. Но ввиду указанных выше обстоятельств эта «истина» не соответствует критериям научности. И, в итоге, историк говорит не об истине, а говорит о том, что на самом деле было – с его точки зрения [4, с. 72], – воспроизводя и/или порождая очередной исторический «миф» (в смысле противостояния концептам «истины» и «знания»).

Но можно зайти и с противоположной стороны, что историческое мифотворчество ещё и задано социально, что историк не только погружен в социальный контекст, но и выполняет социальный заказ. Следует учитывать то обстоятельство, что классическая историография с начала формирования национальных государств оказалась в подчинённом состоянии, обслуживая интересы формирующихся наций в их строительстве. Вообще можно говорить, что формирующиеся молодые европейские народы вызвали к жизни новый феномен – национальную историю. Они, борясь за признание, нуждались в легитимации, как минимум, особенности своего исторического пути. Национальные проекты различных стран начинают конструироваться в конце XVIII в. (их конструирование займёт весь XIX в. и даже начало XX – после крушения великих европейских империй по итогам 1-й Мировой войны), но фактически это конструирование заключалось в интеллектуальном поиске особого «национального мифа», способного «срастить» и оправдать претензии рождающейся нации.

Ведь общеизвестно, что мифологический национализм – это его самая глубинная и самая фундаментальная форма. Острота проявлений национализма в национальных «возрождениях» и национальных «революциях» зависит от степени мифологизации

национального чувства. «Большая история» и «славное прошлое» – это простая сказка, составленная интеллектуалами, но сказка до тех пор, пока она не стала образом мысли народа. На этом уровне она превращается в миф, причем такой, от которого бесполезно и бессмысленно предостерегать, потому что это означает предостерегать человека от него самого, от его собственного самосознания и даже образа жизни. Мифологическая идентичность – это настоящая национальная идентичность, и уже на её основе создаются культурная и политическая надстройки.

В СССР аналогичная ситуация сложилась следующим образом. С конца 1930-х годов, когда начал «вызревать» общенациональный миф, обслуживающий идеологию позднего сталинского государства, не было иной возможности создавать этот миф, кроме как на основе русской (российской) истории (что выразилось позднее в том, что единственная республика СССР, которая не имела отдельного курса национальной истории – это РСФСР). Разразившаяся Вторая мировая война значительно повлияла на этот процесс. Пришлось, например, срочно «переформатировать» имевшиеся идеологические лекала, чтобы связать недолгую традицию Красной Армии с более весомой и авторитетной традицией русской армии. Так в наградном ряду СССР к орденам Красного знамени и Красной звезды добавились ордена Суворова и Александра Невского, а в наградной системе СССР появилась орденовая двухцветная лента, прототипом которой послужила «георгиевская». Всё это стал венчать известный слоган о «русском народе, народе-победителе».

На приёме 24 мая 1945 г. Сталин произнёс: «Я, как представитель нашего Советского правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа, [который] является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза...» [5]. Некоторые историки до сих пор воспринимают этот тост Сталина как программный, направленный на смену в послевоенную эпоху ориентиров в этнополитической сфере. Представляется, что такая установка неверна. Вряд ли генералиссимус хотел противопоставить русский народ другим народам. Скорее речь шла именно о правопреемственности, об определённом континуитете не столько между Российской империей и Советской Россией, сколько между архаической Русью и социалистическим государством – как минимум, в плане героическом. Легко заметить, что и «русский народ» у Сталина возникает

как мифологема – с былинными чертами, такими, как «ясный ум, стойкий характер и терпение» [5]. Но «русский народ», тем не менее, не противопоставляется «советскому народу», упоминаясь, при этом, среди прочих наций, составляющих его, хоть и в первую очередь.

Как справедливо отмечает украинский историк В. Гриневич, война с её многочисленными реальными и мифическими проявлениями героизма и жертвенности, общая борьба советских народов с врагом, на самом деле, давала возможность, не игнорируя, а скорее наоборот, акцентируя внимание на местной специфике, создавать модель общего патриотизма – общей советской идентичности. Миф о Великой Отечественной войне, базовую основу которого составляли идеологемы о морально-политическом единстве советского общества, о руководящей роли коммунистической партии, о советском патриотизме и массовом героизме, о дружбе народов СССР и т.п., призван был сыграть особую роль в единении советского общества [6, с. 218]. Постепенно сформировались и две мнемонические традиции: виктимизации жертв войны и глорификации как отдельных героев, так и советского народа в целом.

Следует заметить тут, что СССР был не одинок в поиске примиряющего мифа. Как минимум Франция и Италия были вынуждены искать их с тем, чтобы консолидировать расколотое войной общество. Франция, например, выбрала миф о национальном Сопротивлении. Ютта Шеррер, французский историк, пишет по этому поводу: «Господствующая интерпретация Сопротивления голлистами ставила в центр не образ борца, а нацию в целом... что обеспечило её позитивное восприятие широкими массами населения независимо от политической ориентации. Акцентирование военно-патриотических аспектов Сопротивления, кроме всего прочего, несло в себе определённый реабилитирующий момент: [...] большинство населения Франции освобождалось от подозрений в пассивной лояльности... режиму [Виши]» [7, с. 101].

После распада СССР советский миф о войне пал первой жертвой «десоветизации». Его накрепко связали с коммунистической идеологией и выбросили на свалку истории. После распада СССР на место советских мифов устремились массы мифов национальных, до того подспудно вызревавших, несмотря на соответствующие мероприятия советских властей, от пропагандистских до карательных.

Общее культурное пространство рассыпалось, и война мифов – национальных с интернациональными – послужила, в т.ч., «балканизации» ряда советских республик.

Особняком тут стоит лишь Беларусь, до сих пор двигающаяся в контексте прежних контуров коллективной памяти. По-прежнему официально отмечается огромное число жертв среди белорусского народа, который так приобретает статус не только народа-героя, но и народа-мученика (этому способствует постоянное воспроизведение риторической фигуры о «каждом четвертом» погибшем белорусе), одновременно начинает подчеркиваться исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над нацизмом. В итоге, миф эволюционирует, и постепенно уходит в тень «советский народ как победитель нацизма», на чьё почётное место заступает белорусский народ [8].

Возможно, глядя на неудачный опыт наших соседей, этого мифа и стоит держаться, поскольку по поводу такой «исторической правды» гражданский консенсус в стране определённо состоялся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2 – 3. – С. 8 – 27.
2. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти / П.Х. Хаттон. – СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 424 с.
3. Рикёр, П. Историописание и репрезентация прошлого // Анналы на рубеже веков: антология / Ред. А.Я. Гуревич. Сост. С.И. Лучицкая. – М.: XXI век: Согласие, 2002. – С. 23 – 41.
4. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
5. Невежин, В. «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года / В. Невежин // Сталин: время, люди, империя [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 15.04.2015. – Режим доступа: <http://stalinism.ru/stalin-i-armiya/za-russkij-narod-priem-v-kremle-v-chest-komanduyushchikh-vojskami-krasnoj-armii-24-maya-1945-goda.html>

6. Гриневич, В. Расколота память. Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества / В. Гриневич // Неприкосновенный запас. – № 2 – 3. 2005. – С. 218 – 227.
7. Шеррер, Ю. Германия и Франция: проработка прошлого / Ю. Шеррер // Pro Et Contra. – 2009. – Май – август. – С. 98 – 108.
8. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Полит.ру [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 15.04.2015. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>

УДК 94(476)

С. Г. Смаляк

НЯМА ГЕРОЌІ ВЫШЭЙ, ЧЫМ ГЕРОЌКА НАРОДА Ё БАРАЦЬБЕ ЗА СВАЮ НЕЗАЛЕЖНАСЦЬ І СВАБОДУ

Прайшло 70 год з дня Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне 1941 – 1945 гг. Перамогі, за якую ён заплаціў вялікую цану. 70 год наш народ жыве пад мірным небам і ўпэўненым крокам ідзе ў будучыню. У чым жа прычына гэтай Перамогі? Што з’явілася падставай разгрому агрэсара? Адказы на гэтыя і іншыя пытанні з’яўляюцца сутнасцю нашага артыкула, пачаць які лічым з канстатацыі таго факта, што савецкі народ перамог у вайне, якая была распачатая вераломным, але загадзя спланаваным нападам нацысцкай нямецчыны на Савецкі Саюз 22 чэрвеня 1941 г. [1, с. 76]. Пры гэтым першапачатковай мэтай агрэсіі было не проста заваёва геаграфічнай прасторы, а заняволенне і фізічнае знішчэнне насельніцтва краіны, на якую была здзейснена агрэсія. У прыватнасці, распрацаваным нацысцкімі бонзамі планам «Ост» прадугледжвалася ліквідацыя цэлых расавых адзінак, высяленне у Сібір каля 31 млн. чал. з тэрыторыі Польшчы і Заходняй часткі СССР, у тым ліку 75 % насельніцтва Беларусі [4, с. 155, 152]. Такім чынам, можна канстатаваць, што ўпершыню ў гісторыі вайна ў аснове сваёй грунтавалася на палітыцы шавінізму, сродкамі правядзення якой быў абраны генацыд народаў.

Кожная дзяржава, калі над ёй нависае смяротная пагроза агрэсара, абараняе сваю тэрыторыю, абапіраючыся на войскі і грамадзянскае насельніцтва. У сваю чаргу, поспех у гэтай абароне залежыць як ад адзінства ў войску, так і адзінства ўспрымання